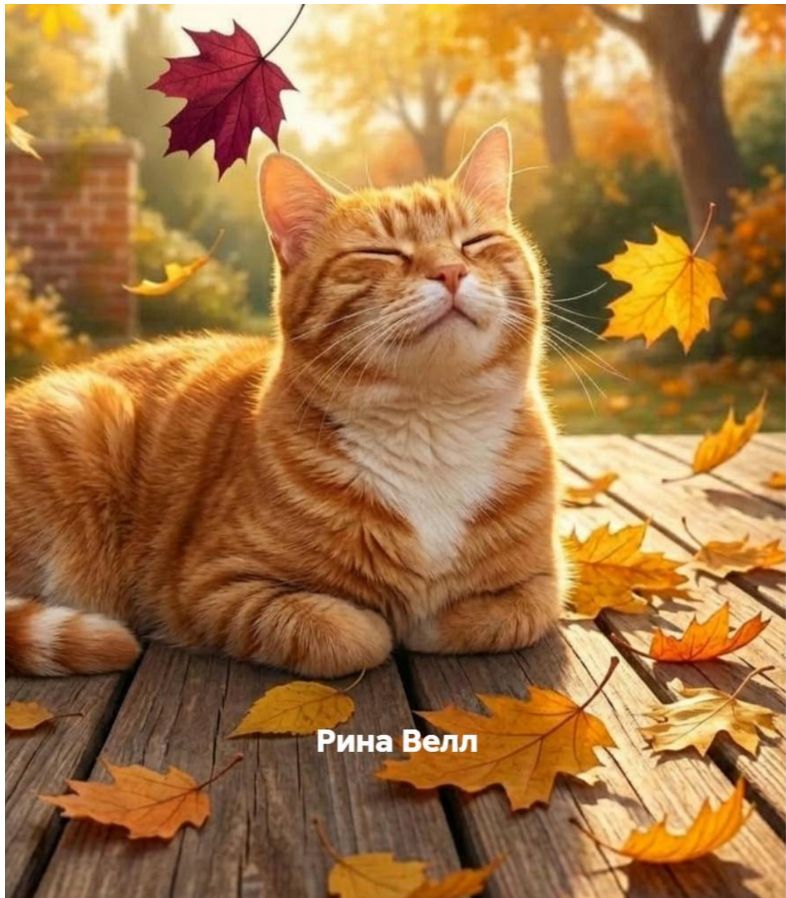

Рина Велл

Багряный лист

Рина Велл

Багряный лист и кот Бонифаций

<https://litres.ru/74485837>

SelfPub; 2026

Аннотация

Цикл «Словарь Бонифация».

Изучаем слово Багряный.

Осенью на террасу к Бонифацию падает странный лист — тёмный, красно-коричневый. «Заболел!» — решает кот и начинает лечение. Но лист не меняется. Оказывается, лист просто другого цвета.. Это цвет — багряный. Художница Эва помогает коту создать багряный цвет самому и этим цветом нарисовать свою картину осеннего леса.

Содержание

Багряный лист и кот Бонифаций	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Рина Велл

Багряный лист и кот Бонифаций

Багряный лист и кот Бонифаций

Осень пришла тихо. Листья на деревьях начали желтеть — сначала чуть-чуть, по краям, потом всё сильнее. А потом стали падать. Медленно, кружась, будто не хотели расставаться с ветками.

Боня вальяжно лежал на террасе — на тёплом, прогретом за день деревянном настиле. Он поджал лапы, прикрыл глаза и слушал. Ему нравилось, как листья падают. Одни — медленно, будто раздумывали, приземляться ли вообще. Другие — быстрее, словно торопились куда-то по важным осенним делам. Третьи — кувырком, совсем бестолково, как маленькие рыжие котята.

Бонифаций провожал их взглядом. Последние лучи осеннего солнца скользили по спине, и кот жмурился и мурлыкал от удовольствия.

«Куда вы все? — думал он. — И зачем так шумно шуршите?»

А потом прямо перед ним, чуть не задев лапу, приземли-

лось что-то необычное.

Боня вздрогнул. Обернулся. Рядом с ним лежал лист. Но не жёлтый. И не оранжевый. Тёмный. Красный. Почти коричневый. С резными краями, плотный, тяжёлый — совсем не такой, как все остальные, что падали и шуршали.

Бонифаций очень удивился. Медленно привстал, потянулся, выгнув спину дугой, а потом, почти неслышно, подошёл к этому непонятному листочку. Наклонился, приняв себя, чуть поводя носом. Потрогал лапой — осторожно, будто лист мог вдруг подпрыгнуть и улететь. Лист был холодный, совсем не такой, как тёплый настил террасы.

— Он заболел, — хмыкнул Боня. — Всё понятно, почему он такой красный. Надо бы его подлечить.

Бонифаций схватил лист зубами — осторожно, как мышку, — и понёс в дом. По дороге Боня пару раз останавливался, прислушивался: а вдруг лист что-то скажет? Но лист молчал, только чуть шелестел на ветру по дороге в дом.

Бонифаций очень аккуратно вошёл в дом. Лапы ступали мягко, почти беззвучно — он боялся потревожить лист. Прошёл через гостиную, заглянул в спальню, потом в кабинет. В кабинете было теплее всего: солнце грело там дольше, и воздух стоял густой, спокойный. Боня выбрал место в центре ковра — мягкого, пушистого — и бережно положил лист.

— Сейчас я тебя вылечу, — сказал он.

Но лист даже не шелохнулся. Тогда Бонифаций подвинул листочек на то место, где на ковре светил солнечный луч.

— Погрейся на солнышке. Мне это всегда помогает, — сказал Бонифаций и с довольной улыбкой уселся рядом, сложив лапы. Он сидел так минут пять, не сводя глаз с листа, время от времени кивая, будто мысленно одобряя процесс лечения. Иногда он чуть наклонял голову, присматриваясь: не стало ли листу лучше?

Но лист не менялся. Его тёмно-красные прожилки озарились солнечным светом — стали чуть виднее, чуть глубже, — но это ничего не изменило. Боня смотрел на него не отрываясь. Он ждал. Он верил, что ещё немного — и лист пожелтеет, как все остальные.

Кот не сводил глаз с листочка. А лист оставался прежним. Тёмным. Красным. Упрямым.

— Ага, — сказал Бонифаций, — тогда, наверное, ты хочешь пить!

И, схватив листок, он побежал к своей миске с водой. Положил листочек прямо в воду. Лист намок, потемнел и слегка свернулся по краям, но по-прежнему не подавал признаков выздоровления. Боня наклонился, посмотрел на него сверху, потом сбоку, будто это могло что-то прояснить. Даже чуть потыкал лист лапой — вдруг он просто притворяется? Тишина и никаких изменений.

— Может, тебе холодно? — пробормотал Боня.

Он вытащил листочек из воды — мокрый, тяжёлый — и перенёс на ковёр в гостиной. Потом убежал и вернулся, волоча за собой одеяло. Старое, мягкое, в клеточку. Оно пахло

домом — тёплым, родным, уютным. Боня спал на нём каждую ночь, и это было самое уютное одеяло на свете. Но сегодня он решил, что листочку одеяло нужнее. Листочек замёрз. А тому, кто замёрз, всегда нужно что-нибудь тёплое.

Боня бережно завернул лист в одеяло, оставив только кончик снаружи — чтобы дышал. Потом сел рядом. Сложил лапы, накрыл их хвостом и стал ждать. Он ждал долго. Солнце клонилось к горизонту, небо затягивалось тучками. Всё менялось. А лист оставался прежним. Тёмным. Красным. Упрямым.

— Ну почему ты не желтеешь? — прошептал Боня. — Все желтеют. А ты — нет. Ты точно заболел. Тут нужен специалист.

Пока он размышлял о болезни этого странного листочка, в доме раздались громкие звуки. Это Эва вернулась с прогулки с охапкой жёлтых листьев, которые собрала в парке. Эва была юной художницей, а художники — народ увлечённый. Поэтому Эва, даже не переодевшись, сразу уселась за свой стол и разложила краски. Ей хотелось начать рисовать немедленно — пока все краски и оттенки были такими яркими в её памяти и пока осенний жёлтый букет из сухих листьев ещё не увял. Когда Бонифаций вошёл в комнату Эвы, она сидела за столом. Перед ней лежали листья: жёлтые, оранжевые, зелёные с прожилками, засыпав почти весь её рабочий стол.

Боня запрыгнул на стол — мягко, но всё равно чуть не

смахнул кисточку, которая лежала у самого края. Кисточка качнулась, но удержалась.

— Смотри, — сказал кот и бережно положил лист перед Эвой на россыпь других листьев. Листок, который принёс Бонифаций, выделялся на фоне других и дополнял букет своим необычным оттенком. — Я нашёл его на террасе. Он упал прямо передо мной. Только он не жёлтый. И не зелёный. Тёмный. Красный. — Боня нахмурился и прижал уши. — Я думаю, он болеет.

Он сел и обернул хвост вокруг лап. Голос у него стал тихим, виноватым.

— Я его лечил. Поил. Грел. Укрывал одеялом. Даже мурлыкал. — Он посмотрел на лист, потом снова на Эву. — А он не меняется. Совсем. Я, наверное, плохой врач.

Эва посмотрела на лист. Потом на кота. Потом тихо, мягко засмеялась.

— Боня, — сказала она, — он не болеет.

— Как не болеет? — удивился кот. — Он не такой, как все! Все жёлтые! А он — нет!

— Потому что у него такой цвет, — сказала Эва. — Он багряный.

Боня замер, приподняв одну переднюю лапу, будто собирался сделать шаг и забыл, куда.

— Багряный?

— Да. Это тёмно-красный цвет. Осенний. Не все листья жёлтые. Некоторые — багряные. Это не болезнь. Это просто

другой цвет.

Боня посмотрел на лист. Потом на Эву. Потом снова на лист.

— Значит, я зря его лечил?

— Зря, — улыбнулась Эва. — Но ты старался. Это хорошо.

Боня сел и смущенно обернул хвост вокруг лап, будто хотел спрятаться в него от неловкости.

— А откуда ты знаешь, что он багряный? — спросил Боня.

Эва взяла кисть и палитру.

— Смотри, — сказала Эва и чуть наклонилась к палитре. — Красный — это яркий, звонкий. А багряный — тихий. Он как будто устал быть просто красным.

Она обмакнула кисть и капнула на палитру. Красный. Потом ещё. Четыре ярких капли. Рядом — коричневая. Одна.

Боня смотрел не отрываясь.

Красный на глазах потемнел. Потускнел. Состарился. Он больше не кричал. Он стал глубже. Спокойнее. Как будто в него добавили немного земли.

— И совсем чуть-чуть синего — капелька, не больше, — продолжила Эва.

Краска на палитре засветилась оттенками ночи. Тёмными, глубокими, спокойными.

— Тогда цвет станет глубже, — тихо сказала Эва. — Как этот лист.

Боня посмотрел на палитру. Потом на лист. Потом снова

на палитру. Цвет был тот же. Тёплый. Тёмный. Живой.

— Теперь можно рисовать. Хочешь попробовать нарисовать листочек? — спросила Эва.

Боня кивнул.

— Окуни лапу. Только аккуратно.

Боня посмотрел на палитру. Потом на свою лапу. Потом снова на палитру. Он поднял правую переднюю лапу, подержал в воздухе — как будто примерялся — и осторожно опустил подушечку в краску.

— Ой, — сказал он. — Холодная. И липкая.

— Ничего, зато багряная, — улыбнулась Эва. — Теперь аккуратно приложи лапку к бумаге.

Боня поднял лапу. И стал её рассматривать. Его лапа стала багряной. Точно такого же цвета, как лист, который он нашёл на террасе.

— У меня лапа багряная, — сказал он испуганно, но в глазах уже загоралось любопытство.

— Это не страшно, потом помоем. Приложи лапу к бумаге, — напомнила Эва.

Боня приложил лапу к листу бумаги. Подержал. Убрал. На бумаге остался тёмный, красно-коричневый отпечаток.

Боня замер.

Он смотрел на отпечаток. Потом на свою лапу. Потом снова на отпечаток.

— Это... — прошептал он. — Это я сделал?

— Ты, — кивнула Эва.

— Я сделал багряное.

Боня смотрел на отпечаток и не мог отвести глаз. Это был его след. Его багряный след. Такой же, как лист, который он лечил. Такой же тёмный, глубокий, осенний.

— А можно ещё? — спросил он.

— Можно.

Боня опустил лапу в краску снова. Потом ещё раз. И ещё. Он ставил отпечатки рядом, по кругу, друг на друга. На бумаге появлялись тёмные пятна. Пятна становились листьями. Листья — кроной.

Эва смотрела, как Бонифаций рисует. Смотрела на его сосредоточенную мордочку, на то, как он вытягивает лапу, как принюхивается к каждому новому пятну. А потом взяла кисть и начала дорисовывать. Отпечатки Бони превращались в листья. Багряные, с прожилками, с резными краями. Она обводила их, добавляла стебельки, соединяла в ветки.

— Смотри, — сказала она. — Твои следы стали листьями.

Боня посмотрел. Его багряные отпечатки — теперь стали листьями. Настоящими. Осенними. Они лежали на бумаге, как на земле.

— А давай сделаем из этого настоящую картину? Вот мама обрадуется! — воскликнул Бонифаций.

— Давай, — сказала Эва.

Она подвинула лист с отпечатками Бонифация к себе. Подумала несколько секунд. А потом уверенными движениями нарисовала ствол по центру листа и стала дорисовывать

ветки. Нарисованные листья соединились в пышную крону. Постепенно на листе появлялось дерево — всё в багряных листьях. Тёмное. Осеннее. Живое.

Когда они закончили, Боня отошёл на шаг и посмотрел.

— Это я сделал, — сказал он тихо.

— Ты, — сказала Эва. — И я. Вместе.

Боня сел и довольно обернул хвост вокруг лап. Он смотрел на дерево. На свои следы. На багряные листья.

— Значит, багряный — это не болезнь, — сказал он. — Это цвет. И я его сделал сам.

Бонифаций был очень доволен своей работой, и ему крайне не хотелось признавать, что Эва тоже в ней участвовала. Но делать было нечего, ведь коты всегда признают правду.

— Багряный, — сказал он. — Теперь я его знаю.

Вымыв лапу и почистив шёрстку, он довольный отправился в соседнюю комнату. Он пошёл к своему листу — тому самому, который лечил. Поднял его. Принёс к стене.

— Ты не болел, — сказал он листу. — Ты просто другой. Багряный. Я нарисовал для тебя друзей. Надеюсь, теперь тебе не будет скучно.

Бонифаций подвинул лист поближе к картине и оставил его там — около картины с багряными листьями, которые он нарисовал сам. И на секунду ему показалось, что лист будто чуть-чуть улыбнулся

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.